

стому у населения, в том числе и среди молодежи, объясняется, с одной стороны, укреплением народных форм традиционной культуры, существовавших в советское время и получивших значительный толчок в развитии после установления политической независимости Казахстана, а с другой стороны, национальной политикой страны, ориентированной на поддержание национальной культуры и реконструирование ряда традиций прошлого, в том числе и практики ношения традиционного национального костюма.

Сокращение

ПМА — полевые материалы автора.

О. Б. Степанова

ИСТОРИЯ В ЭТНОГРАФИИ: ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ К БАИШЕНСКИМ СЕЛЬКУПАМ

Во время экспедиции 2014 г. к баишенской группе северных селькупов, проживающей в Туруханском районе Красноярского края, мне повезло встретиться с Геннадием Поликарповичем Кукушкиным — хранителем селькупских традиций и очень ответственным респондентом. От него я записала ряд фольклорных текстов и получила существенный объем информации по селькупской этнографии. При обработке материалов экспедиции я обнаружила, что несколько его рассказов содержат, можно сказать, эксклюзивные сведения об известных исторических событиях и относятся более к истории, чем к этнографии. У меня было намерение посвятить эту статью историческому контенту полевых сборов. Однако в процессе работы появился нюанс: выяснилось, что отделить историю от этнографии в рассказах Г.П. Кукушкина невозможно. В результате темой проводимого исследования стал вопрос присутствия этнографического знания в любых исторических материалах этнографической экспедиции.

Геннадий Поликарпович Кукушкин, 1949 г.р., проживает в лесном хозяйстве Ладыга, расположенном на р. Верхняя Баиха —

правом притоке Турухана. Он, как и его жена Елизавета Александровна, здесь родился и прожил всю жизнь. Прописку Кукушкины имеют в селе Фарково, которое раз-два в год посещают, чтобы «снабдиться». В далекие советские времена на Ладыге была фактория с засольной, магазином и пекарней. Чтобы сдать продукцию промысла и купить промышленные товары, сюда приезжали охотники и рыбаки из соседних лесных угодий. После закрытия фактории Ладыга стала лесным хозяйством семьи Кукушкиных. От фактории им остались два жилых дома и хозпостройки. У супругов 10 взрослых детей, все они живут самостоятельно, в эту зиму со стариками остался сын Степан (24 года). Кукушкины ведут традиционный образ жизни и сохраняют традиционный быт.

Геннадий Поликарпович говорит: «Я считаю себя кето». Отец его, 1902 г.р., был кето, но жил среди селькупов с 1932 г., мать была селькупкой, жена — в девичестве Кусамина — селькупка. Примечательно, что его родная старшая сестра Валентина Поликарповна, которую я навестила в Туруханске, считает себя селькупкой. Родной язык Геннадия Поликарповича — селькупский. Его возмущает, что фарковские селькупы неправильно говорят на своем языке или вообще не знают его. Поэтому, думаю, правильнее говорить, что Геннадий Поликарпович — селькуп кетского происхождения.

У Геннадия Поликарповича очень хорошая память, он знает множество селькупских и кетских сказок, а также просто историй, которые слышал от своего отца. В этих его отцовских рассказах и содержатся те ценные исторические сведения, что я намереваюсь зафиксировать, публикуя на страницах этой работы.

Отец Геннадия Поликарповича был знаком с И.В. Сталиным, отбывавшим с 1914 по 1916 г. ссылку в селе Курейка Туруханского края Енисейской губернии. Рассказ о встречах безграмотного мальчишки-кето с будущим вождем советского государства добавляет некоторые неизвестные (ну, или малоизвестные) черты к портрету крупной исторической личности — И.В. Сталина, что имеет, несомненно, важное значение для истории. Для большей документальности приведу этот рассказ, расшифрованный с диктофонной записи, дословно, без редактирования.

«Можете записать про отца, как он со Сталиным встречался в Курейке, в 1914 г. отец тогда подростком был, лет четырнадцать. В Мироедихе жил, там, рядом с Курейкой. Они охотились там. А там отбывал ссылку Сталин. Его не отпускали никуда, под надзором был. Отец интересно много раз рассказывал. Оказывается, охотником Сталин был страстным, любил грибы. Не знаю, почему только охотничье лыко (?). Я думал, он привирает. Он был такой обходительный, может, потом, когда власть захватил, стал вешать всех, стрелять. Если бы у меня время было, я бы статью написал. Как били его, хаили потом... А он такой это все... Он любил поохотиться, грибы собирать, с людьми так это там, он безобидный был, нестрогий.

А отец, у него напарник тоже был, Дибиков, ну, родственники там. Они подростки были. А мы по-русски ничего не знаем, ну, с пятого на десятое. А он попросит: “Ребята, накопайте мне червей”. А за работу, мол, я вам заплачу. Это все правда. А сейчас человека такого нет, который Сталина в глаза видел.

Он бежал потом. А вы в Курейке-то были? Я когда был, я ездил в 70-е, там мемориальная доска была (рассказчик имеет в виду мемориальный комплекс. — *О.С.*), а потом все пошло, все разрушили. До этого в 70-м году все простояло хорошо.

Так вот, он страстный рыбак был. Мы пойдем, гнилых червей накопаем. Он пойдет, с удочкой сидит целыми днями. А потом, уже когда грибы подошли, ягоды... А он охотиться любил, охотник. А там за ним следили. Он для полиции самый это... Он нам ружье даст. Ну, в августе же там утки, всё... Ружье даст и нам объяснит: “Вот так бегите вдоль берега”. И там с ружьем где-то встретится. А ему с ружьем не положено было. Ну, с ружьем не надо ему ходить, было запрещено вообще. За ним следили там. Он идет, там Курейка. Он возьмет корзину и по всей деревне идет, как будто он пошел грибы собирать. Ну, в общем, Сталин так один идет, идет, потом сворачивает и встречается там с ребятами, с отцом. Они, мы что, понимаем это все? И так весь август. И он все время там. Мы все сделаем, а он нам та-а-кой кал-а-ач белый даст — за работу, что мы червей накопили. Я-то что хочу сказать... Отец рассказывал, он такой щедрый, общительный был, ну, человеком как. А эти кето, — там же все кето, — Оська его звали. “Оська, Оська!” —

говорят.

А потом — уже ночи стали в августе потемнее, — он соберет на берегу, — там же все кеты, — там костер разведут, там сидят. И он этим кето расска-а-а-зывает. А мы слушаем, а не понимаем: про революции, там что-то Ленин, там что-то такое. А там, конечно, следили за ним, там ставили это... чтобы никто. А кто-то там из подозрительных к костру подойдет, он и умолкал, переходит на другую тему. Ну, чтобы его не заподозрили в подрыве, в агитации. В общем так».

Однако то, как рассказана эта история, свидетельствует о неотделимости этнографического факта от исторического, если последний взят с этнографического поля. Характер рассказа отразил восприятие, отношение и специфическое, обусловленное традиционными мировоззренческими установками видение описываемого объекта мальчиком-кето (а также его уже состарившимся сыном). Рассказ подчеркивает человечность Сталина, потому что тот любит охоту и рыбалку — исконные виды хозяйственной деятельности кетов, что делает его для них даже в некоторой степени своим. В повествовании отразилось отношение кетов к русским (грузин Сталин однозначно воспринимался русским), почитание ими старших, чинопочитание, указания на материальный уровень жизни и т.д. Несомненно, рассказ содержит отпечаток более позднего знания о масштабе сталинской личности.

Позже Сталин вошел в судьбу отца Геннадия Поликарповича еще раз, но уже другим способом (запись этого и последующих фрагментов интервью взята из полевой тетради, слог был минимально отредактирован мною во время записи).

«Отец, Кукушкин Поликарп Степанович, он кето, приехал сюда (в Фарково. — *О.С.*) в 1932 г. Сам с Мироедихи. Он Сталину червей копал. Сам его потом и посадил. В 1941 г. его посадили за недостачу рыбы. Он приемщиком был. Срок он в Игарке отбывал, 4 года. В 1945 вернулся в Фарково, 9 мая. До войны он работал в колхозе имени Смидовича. После войны колхоз был до 1964 г., потом стал совхоз. Был колхозником, и мать тоже. Мать — Дарья Васильевна Кукушкина, девичья фамилия Кусамина. В 1957 г. отца реабилитировали. В 1958 г. за хорошую работу приняли в партию. Вот старое фото отца — при вручении партбилетов. Март 1958 г.

Второй секретарь Туруханского райкома партии вручает (показывает фото)».

В этом фрагменте нашей с беседы факты семейной истории Кукушкиных отражают историю государства. Туруханский край традиционно служил местом ссылки заключенных со всей страны — не только в царские времена, но и в годы сталинских репрессий. Через всю территорию проживания северных селькупов (сегодня это Красноселькупский и Пуровский районы Тюменской области и Туруханский район Красноярского края) проходит — недостроенная и впоследствии закрытая — сталинская железная дорога протяжением от Салехарда до Игарки, включающая так называемые 501-ю и 503-ю стройки, на которых трудились ссыльные заключенные. Удивителен факт наказания осужденных из числа коренных народностей Севера ссылкой из места ссылки, являющегося одновременно местом их проживания, в другое такое же место ссылки, расположенное неподалеку (Фарково в 90 км западнее Туруханска, а Игарка — от него же на север по Енисею на расстоянии 300 км). Также достоверна следующая историческая параллель: в царское время коренные малочисленные народы Севера были освобождены от воинской повинности, а в советское время их не минула ни честь служить в армии (среди селькупов и кето было много героев-фронтовиков), ни участь иметь своих репрессированных.

Суровую картину жизни коренных жителей этой сибирской глубинки в довоенные и военные годы рисуют рассказы Геннадия Поликарповича — эпидемии, необычайно высокая смертность, и вновь повторяется тема отцовской ссылки.

«Отец больше внимания сестре уделял, я был как бы на побегушках. Ну, ко мне требований больше было, как к мальчику. Мать наша, селькупка, — это второй брак отца. Первая жена у него была кето, у них было 10 детей, они все умирали маленькими. Их мать туберкулезница была. И сама умерла рано. В 1937 г. отец овдовел. Первенец у моих отца и матери — Ленька — тоже умер. В 1941 г. отец работал на приемке, рыбу принимал. А лето было, жара. У него 150 кг рыбы испортилось. Было следствие, суд. Ему 5 лет дали, статья 58 Б — “вредительство”, “враг народа”. А какой он враг народа? В Игарке отбывал, работал, тяжело было. Мы с се-

строй родились после его отсидки. Отец 1902 года рождения. По паспорту 1905 г. Наугад поставили. Архивов не было, по крещению или как. Отец рассказывал, когда Ленин умер в 1924 г., у него уже трое детей было. Стало быть, ему уже 20 лет было, лет 22–23. А мать на 10–12 лет младше. Мать 1910 г.р. Значит, он 1902 г. Потом Валя родилась, потом я. У матери двое своих детей было — Степан и Татьяна — от первого брака. Сводные нам, по матери. Татьяна в Красноселькупе жила. Сейчас их уж нет. Смертность раньше была страшная. Болезни гуляли. Особенно дети — год, два, три. Корь, скарлатина... Оспа целые деревни выкашивала».

В этом рассказе исторического содержания к чистой этнографии относятся штрихи, дополняющие наше знание об отношении кетов и селькупов к детям, деторождению и смерти, а также сведения, проясняющие специфику местной промысловой деятельности в условиях колхозов сталинского времени.

Следующий рассказ Г.П. Кукушкина, который я хочу здесь привести, касается очень значимого, даже можно сказать рокового события региональной истории, истории селькупского народа и народов Сибири в целом — ликвидации селькупских шаманов. Оно нанесло непоправимый урон традиционной селькупской культуре и, как следствие, обеднило селькупскую этнографию. Конечно же, это не было одномоментное истребление всех шаманов, но оно положило начало изживанию шаманства как явления современной жизни.

«В Тюменскую в прошлом году Тамелькины ездили по воде. На озеро Перевальное, потом по Покольке, там все соединяется, и в Таз. Где Перевал, там дорога раньше была. Когда война началась, раскулачивание пошло, много народу этой дорогой через нашу Баиху провезли в райцентр Туруханск. В Красноселькупске тогда много шаманов было. Человек 20 на Тазу раскулачили. *Тэ-тты* — кулак. Отец в 1941 г. как раз находился под следствием. Тоже взяли под конвой. Ну, отец отдельно был. В мае их собрали в Красноселькупске, месяц пережидали. Потом как были, так и ехали — в бокарях, парках, не по сезону. Сами на ветках. Здесь месяц ехать. Все заброшено уже — Перевал. Заросло там. Раньше круглый год все работало».

Нужно заметить, что информант, говоря об аресте и высылке шаманов (дальнейшая их судьба никому не известна), использует слово «раскулачивание», а термин *тэтты* — «шаман» — переводит как «кулак». Возможно, что арест шаманов был произведен не с целью атеистической переориентации населения, а в ходе кампании раскулачивания зажиточных хозяев, не поддерживавших колхозное обобществление собственности, коими и были шаманы. Не исключено также, что это действие преследовало обе цели.

В этом же рассказе упоминается еще один факт селькупской истории. Бассейн р. Таза — территория проживания большей части северных селькупов, и бассейн р. Баиха, где проживали туруханские/баихинские селькупы, до 1944 г. относились к Туруханскому краю (поэтому арестованных на Тазу шаманов везли в районный центр г. Туруханск). Тазовские и баихинские селькупы жили тогда как одно племя с традиционно крепкими внутриплеменными брачно-родственными связями [Алексеевко 1978]. В 1944 г. была образована Тюменская область, к которой отошли земли бассейна Таза вместе с тазовскими селькупками, а баихинские селькупы остались в Красноярском крае. То есть между людьми одного племени пролегла административная граница. И что удивительно, граница пролегла административная, негосударственная, а брачно-родственные связи между тазовскими и туруханскими селькупками за 70 лет существования этой границы постепенно сошли на нет. Когда я проводила полевую работу в Красноселькупском районе Тюменской области, мне вообще не удалось найти селькупов, которые посещали бы свою родню в Красноярском крае. Расспрашивая о том же селькупов с. Фарково (по другую сторону границы), удалось установить, что они ездят, но «мало кто и очень редко». Перевал, о котором идет речь в рассказе Г.П. Кукушкина, — та самая дорога, по которой когда-то осуществлялись родственные контакты тазовских и туруханских (баишенских) селькупов. То есть исторический факт — тесные контакты между двумя соседними группами народа, протяженные во времени, в то же время является этнографическим, характеризующим социальную организацию общества.

И раз уж в рассказе прозвучала фамилия Тамелькиных, позволю себе сделать небольшую ремарку. Когда во время моих про-

шлых экспедиций заходила речь о значении фамилий, все мои информанты говорили, что Тамелькины — значит люди рода Мыши, от *тама* — «мышь». Г.П. Кукушкин мне сообщил, что Тамелькины — значит «пришедшие с юга», где *төмыл* — «юг», что представляется более правдоподобным, так как группа северных селькупов образовалась путем переселения в XVII в. на север части селькупов, проживавших на юге современной Томской области.

Прозвучала в рассказах Г.П. Кукушкина и такая тема отечественной истории, как появление в 1940-е годы на Туруханском севере немцев.

«Немцев пленных сюда в войну согнали. Самая тяжелая работа им доставалась. Сейчас от них только дети, внуки остались. Мать рассказывала: их на самую грязную работу гнали. Молодые девушки по 18 лет — их заставляли в это время неводить. А тогда же всем рыбу надо было. А те босиком, простые, плачут. А зимой их заставляли лед долбить, метровый лед. А по первости они там все... Ну какая там сила. Не любой мужчина справится. Сети там... они ставятся долго. Одну и ту же лунку будут там полдня колбасить. Люди потом эту пещню, лед которой долбят, топили. А в Фарково кузница была. Другие пещни сделают. Потом бригадир нашел выход. Пещню на веревочке стал на шею вешать. Если сорвется, не утонет.

Одна рассказывала мне. В Ярцево ссыльных немцев больше половины было. А у них там радио. Они когда услышали про Сталинград, что Сталинград разрушили... Отец рассказывал, его знакомый так: поет, радуется: «Нас всех освободят!» По-своему поют: «Победа, Гитлер!» Потом что получилось — их пленили. В Фарково много было».

Несмотря на то что о тех же пленных немцах, которые работали на колхозных полях вокруг Фарково, выращивали картошку, турнепс и морковь, мне рассказывали и другие информанты из Фарково (не стало немцев — поля были отданы под кормовые луга, а впоследствии заброшены и заросли лесом), к этим рассказам я, пока не представится возможность проверить, отношусь с недоверием. И откуда среди пленных немцев взялись 18-летние девушки? На реку Таз, например, в 1941 г. были сосланы поволжские немцы как «враги народа», среди них было немало совсем

юных девушек, их потомки и сейчас живут в Красноселькупском районе, с некоторыми из них я лично знакома. Насчет того, что за немцы были на Тазу, сомнений нет. Но зачем в туруханскую даль было завозить пленных немцев (это ведь очень затратное мероприятие — дорог туда нет), мне непонятно.

Так или иначе, немцы в Туруханском крае были, и это история, но рассказ не обошелся без отсылок к этнографии: на принудительных работах немцы занимались тем же, чем местные жители: неводьбой до самых морозов, подледным ловом с пробиванием лунок пешнями и т.д. То, как тяжело давался немцам результат и как это воспринималось местным населением, лишь подчеркивает суровость условий селькупской жизни и обыденное отношение к этой суровости самих селькупов.

Таким образом, рассмотрев «исторические» рассказы Г.П. Кукушкина, я пришла к выводу о том, что история в них неотделима от этнографии (подчеркну, что речь здесь идет об истории в классическом ее понимании, а не об исторической этнографии или этногенезе). Берусь утверждать, что любой исторический факт, взятый из полевых материалов этнографической экспедиции, будет вместе с тем и этнографическим. Причин у этого явления, как мне представляется, две — этническая принадлежность рассказчика, неизбежно оставляющая отпечаток на характере рассказа, и место, где протекают события, совпадающее с местом расселения этноса, из которого происходит рассказчик, тоже не позволяющее описываемому историческому событию выйти за рамки этнографичности.

Библиография

Алексеевко Е.А. Этнические взаимодействия коренного населения Туруханского Севера и Верхнего Таза // Народы и языки Сибири. Архивные исследования. М., 1978. С. 32–36.